

— Вы видели, как госпожа Ли гордилась собой сегодня? — злобно прошипела мисс Чжан. — Ну вот почему именно ей первой достались эти сахарные розы? Честно сказать, пусть бы они кому угодно достались, я бы стерпела. Но только не ей, этой Ли-сяонян!

— И я тоже, — поддержала её мисс Гу, тоже участница недавнего цветочного приёма в поместье Ли, — Больше всего раздражает её напускное высокомерие. Всё время делает вид, будто ей до всего дела нет, будто она выше этого. А на самом деле задирается не хуже прочих! Вот взять хотя бы эти розы - только получила, сразу же нас всех позвала, чтобы хвастаться.

Тут послышался чей-то зов, и у ворот остановилась изящная повозка - за мисс Чжан приехал её третий брат. Приподняв занавеску, он чуть высунулся наружу: лицо словно выточенное из нефрита, тонкие черты, тёплая улыбка - в самом деле, благородный юноша, какой и должен быть.

Молоденькие госпожи, стоявшие у ворот поместья Ли, смущённо зарделись, обменявшись взглядами. А сама мисс Чжан в этот момент и сияла от гордости, и украдкой тревожилась: а вдруг брат присмотрит себе кого-то из этих девушек?

— Третий брат, — с лёгким поклоном произнесла одна из девушек. Личико у неё было ещё юное, не до конца сформировавшееся, но уже угадывалась та прелесть, что с возрастом расцветёт в настоящую женскую красоту.

Глаза Чжан-саньлана тут же засветились:

— Младшая сестра Гу? Ты тоже с моей сестрой на праздник сахарных роз пришла?

Мисс Гу покраснела, точно цветок под утренним солнцем. Её абрикосовые глаза опустились, уголки губ чуть дрогнули, как будто она хотела что-то сказать, но стеснялась.

— Отвечаю на слова третьего брата... да, я пришла с сёстрами полюбоваться розами. О, они и правда стоят всех тех похвал... просто диво дивное. Жаль только, такая редкость - не раздобыть, чтоб дома поставить и любоваться каждый день.

Юность любит красоту, как мог Чжан-саньлан не быть очарован? У него даже голова чуть закружилась от внезапной нежности, и он тут же с готовностью воскликнул:

— Младшая сестра Гу, не печалься! У меня как раз есть один букет, что я заранее купил. Раз уж такие вещи радуют вас, девушек, я сейчас же пришлю слугу, пусть отнесёт его к вам домой.

— Правда? — воскликнула мисс Гу, глаза её засияли от радости.

— Конечно правда! — Чжан-саньлан с гордостью ударил себя в грудь.

— Поехали! — вдруг раздался окрик, полный ярости.

Возмущение в голосе мисс Чжан будто вылило на него ведро ледяной воды. Очнувшись от головокружительной прелести, Чжан-саньлан резко пришёл в себя, понял, что заигрался, и, увидев, как сестра с сердитым лицом уже умчалась на своей карете, сразу понял, что основательно её разозлил.

На лице у него появилось горькое выражение, он поклонился с коня и сказал:

— Я пойду, сестра Гу, не торопись, береги себя.

Мисс Гу вежливо вернула поклон:

— И ты тоже езжай осторожно, третий брат.

Она так и осталась стоять у паланкина, провожая его взглядом. А он, уезжая, то и дело оборачивался, будто не мог насмотреться. Она же не отвела глаз, не уклонилась, смотрела ему прямо в глаза, в которых мягко поблёскивала осенняя влага. Даже если он был слишком далеко, чтобы разглядеть выражение её взгляда, она и не думала скрывать, что он её зацепил.

Только когда фигура Чжан-саньлана исчезла за поворотом улицы, служанка рядом не выдержала и пробурчала:

— Госпожа, ну зачем вы стоите на таком холоде? Он ведь уже ушёл, не видно даже... Пойдёмте скорее в паланкин, там есть жаровня.

Мисс Гу, поднимаясь в паланкин, спокойно сказала:

— Ты не понимаешь. Моя матушка уже давно присматривается к браку с Чжан-саньланом. Родители с обеих сторон, по сути, уже дали молчаливое согласие, дело почти решённое, как гвоздь в доску вбит.

Служанка нахмурилась:

— Даже если так... разве стоит так унижаться?

— И впрямь, — мисс Гу усмехнулась, стряхивая с лица прежнюю застенчивость и невинную нежность, словно лёгкое покрывало. Половина её лица скрылась в тени паланкина, выражение стало неразличимым. — Но с древности женщина, выходя замуж в чужой род, становилась их человеком. Хорошо там или плохо, всё сносить ей одной. Так уж лучше до свадьбы заранее вызвать к себе немного нежности. Если он уже прикипит сердцем, то, когда стану его женой, сам будет желать меня, беречь и баловать. А если чувства нет, а только воля родителей и слова

сватов, что мешает ему возненавидеть? И страдать в итоге буду я.

Занавеска на окошке паланкина чуть приподнялась, внутрь пробился узкий луч света и скользнул по лицу мисс Гу - губы её были слегка изогнуты в едва заметной улыбке.

Служанка, стоявшая снаружи, заметила эту усмешку, в ней смешались и довольство, и тонкая насмешка. И в следующий миг услышала, как её госпожа продолжила:

— Все мужчины на это клюют. Даже такой щёголь, как Чжан-саньлан, не стал исключением. Пара ласковых слов, и вот он уже перешагнул через сестру и мать, чтобы отдать мне тот букет сахарных роз. Представляю, какой шум у них поднимется дома.

Вспоминая, как мисс Чжан с гневом задёрнула занавеску кареты, мисс Гу не могла сдержать торжествующей улыбки - она играла свою партию тонко, и теперь наслаждалась результатом.

Как она и предсказывала, в доме Чжан разгорелся настоящий шторм. Мисс Чжан была в такой ярости, что чуть не перевернула дом вверх дном, а госпожа Чжан, ее мать, тоже осталась крайне недовольна поступком сына.

Держа в руках фарфоровую чашку с чаем, госпожа Чжан сидела с невозмутимым лицом, но в ее голосе звучала сталь. Обратившись к сыну, она спокойно, но сурово сказала:

— Не то что сестра твоя рассердилась - я сама слушаю это и чувствую, как сердце холодеет. Вы с ней плоть от плоти, она всегда тебя во всём опережала, все лучшие вещи отдавала тебе. А про эти сахарные розы она говорила полмесяца. Но ты, как старший брат, не то чтобы изо всех сил постарался достать их для неё... ладно бы, себе взял, это хотя бы можно было понять. Но ты взял и сразу отдал посторонней! Скажи, ты её унизил? Или меня?

Чжан-саньлан ещё с того момента, как сестра в гневе уехала, протрезвел от сладких речей и красоты. Сейчас он сидел ниже матери с кривой, натянутой улыбкой, виновато поникший:

— Но слова-то я уже сказал... Назад взять уже нельзя.

Мисс Чжан смотрела на брата с ярко выраженным недовольством, а тот, поняв, что дело плохо, поспешил изменить тон:

— Из-за этой сахарной розы у меня теперь один человек в долгу. Возможно, ещё получится достать букет, я сейчас же пойду.

Госпожа Чжан лишь холодно фыркнула, даже не удостоив его ответом.

Когда Чжан-саньлан вышел, мисс Чжан тут же бросилась к матери и прижалась к ней,

заливаясь обидой:

— Мама, ты только посмотри, что с третьим братом творится! Он же ещё даже не женат, а уже весь разум и сердце у него к этой мисс Гу. А если он и правда женится на ней? Тогда мы, женщины из его родного дома, останемся ему совсем не нужны! Если вдруг у нас с этой лисицей случится ссора, думаешь, он встанет на нашу сторону? Да он нас забудет в два счёта!

На лице госпожи Чжан проступила тень, губы сжались - слова дочери попали в цель.

— Надо поискать ему другую невесту, — тихо произнесла она, — эта третья дочь из семьи Гу уж слишком хитра и коварна. Не годится в жёны, не та порода.

А в это время мисс Гу, как и мечтала, получила сахарные розы. Поставив их в вазу, она не могла налюбоваться, всё вертелась возле букета, любуясь, как свет играет на лепестках, и считала, что её расчёт и искусство обращения с мужчинами вновь дали свои плоды. Она ликовала в душе, уверенная в своей победе.

Но она не знала, что именно из-за этого букета, стоившего всего лишь лян серебра, она только что потеряла блестящую брачную партию, которая для неё могла бы стать самой удачной в жизни.

Цинь Хэ услышал стук в дверь, вышел из дома и тут же увидел перед воротами нарядного юношу в дорогом одеянии, за спиной у которого стояли четверо-пятеро крепких мужчин.

Их дом принадлежал к бедному району: ограда снаружи из плетня, ворота - простые деревянные. Потому, стоя во дворе, можно было насквозь видеть, кто там за забором. Цинь Хэ внутренне напрягся: только-только в доме появились первые деньги, как тут же кто-то пришёл. Он машинально схватил деревянную палку, спрятанную за дверь, зажал её за спиной, в душе недовольно проклиная момент - почему именно сейчас дома нет его Ша-шэня?

— Кто вы? — собравшись с духом, спросил он. — Что вам нужно?

Юноша, сдержанно улыбнувшись, ответил:

— Не бойтесь, Куй-фулан. Я - друг вашего мужа, Куй-далана. Раньше даже помогал с продвижением сахарных роз. Я - Чжан-саньлан из дома Чжан. Сегодня я пришёл, чтобы купить у вас несколько букетов роз.

Цинь Хэ знал, кто такой Чжан-саньлан. Хотя договариваться и звал помогать с рекламой сам Куй У, о каждом, кто протянул ему руку помощи, он ему рассказывал, и Цинь Хэ держал это в памяти как должное. Он поспешно спрятал деревянную палку и открыл ворота.

— Чжан-саньлан, прошу, проходите.

— А Куй-далан дома? — спросил Чжан-саньлан, оглядываясь.

— Он вышел продавать конфеты, сейчас не дома, — ответил Цинь Хэ.

Услышав это, Чжан-саньлан тут же остановился на пороге. Узнав, что в доме только Цинь Хэ, он, хоть и был с телохранителями, но не решился заходить. Если об этом кто-то распушит слухи, Куй У ведь и в самом деле с него шкуру спустит.

— В таком случае не стану входить, — сдержанно сказал он. — Прошу лишь сказать, где он сегодня торгует сахарными розами? Я бы хотел сам подойти и купить несколько штук.

— У него с собой нет, — спокойно ответил Цинь Хэ. Чжан-саньлан, в конце концов, помогал их делу, отмахиваясь от него вежливыми отговорками он не стал. — Раз уж вы с даланом друзья, то тут скрывать нечего. Эти сахарные розы вырезаю я сам, поэтому они и в дефиците. Все прошлые партии моментально разобрали, сейчас многие хотят купить, но могут только записаться в очередь. Я за день могу вырезать совсем немного, и сейчас очередь уже расписана почти на полмесяца вперёд.

Чжан-саньлан сразу понял, в чём трудность, и, не скрывая, рассказал про ситуацию в семье. Цинь Хэ, выслушав, подумал немного и сказал:

— Вот что, мне как раз не хватает двух штук до полного букета. Давайте так: вы пока возвращайтесь домой, а как я доделаю, попрошу моего далана отнести букет прямо к вам. Но есть одна просьба - не говорите никому, что получили его от меня сейчас. У всех покупателей есть номерки на руках, если прознают, что я кому-то в обход продал, мне потом просто не дадут работать.

На таких словах всё уже было предельно ясно. Чжан-саньлан понял, что даже один букет - большая удача, и больше ни о чём не стал просить.

— Хорошо, тогда благодарю вас, Куй-фулан, — сдержанно кивнул он. — Вот здесь один лян серебра, прошу, возьмите.

Цинь Хэ попытался отказаться, но Чжан-саньлан всё равно настоял - серебро было оставлено, и деваться уже было некуда.

Когда Куй У вернулся домой, все конфеты были распроданы подчистую. А Сяохуа тем временем с удовольствием уплетала тот леденец, который оставила себе, и, жуя вполголоса, радостно пробормотала:

— Невестка, завтра сделай побольше, ну хотя бы на два цзиня! Вон ведь уже почти праздник, и

всё больше народу на улицах - сладости берут на ура! А наши вкусные, покупатели так и липнут, того и гляди, снова не хватит!

— Ладно, запомню, — кивнул Цинь Хэ.

Повернувшись к Куй У, он добавил:

— Сегодня Чжан-саньлан приходил, хотел купить розы. Он ведь раньше нам помогал, так что я ему пошёл навстречу, вставил вне очереди. Я почти закончил букет, отнеси его потом к ним, ладно?

Куй У, отхлебнув воды прямо из глиняного кувшина, кивнул:

— Без проблем. А это вот список от Ху-чжангуя, кто сегодня записывался на сахарные розы.

Цинь Хэ взглянул на длиннющий список и только вздохнул - снова сколько заказов... Деньги, конечно, хорошие, но руки уже отваливаются. Он чувствовал, что скоро кисти совсем откажутся слушаться, так изматывало это тонкое, кропотливое ремесло.

— Далан, ты сегодня узнавал? Всё ещё нет плотника, который смог бы сделать такие формы? — с тревогой спросил Цинь Хэ.

— Говорят, твоя резьба слишком тонкая и изящная, — вздохнул Куй У. — Даже если попробовать сделать форму, всё равно получится грубо, и десяти долей от твоей красоты не передаст.

Цинь Хэ нахмурился и заметно занервничал:

— И что теперь делать? Если только на меня одного всё рассчитывать, да когда ж я всё успею? Сейчас почти Новый год, всем подавай сахарные розы до праздника. Даже если срочно найти мастеров-резчиков с хорошим опытом, им ведь всё равно учиться и учиться. А к тому времени уже лето наступит, поздно будет.

Куй У задумался, потом сказал:

— А что если мы ещё раз попробуем поговорить с мастером Фэном? В пределах внешнего города он самый рукастый. И голова у него работает. Может, если ещё раз его хорошенько уговорить...

— Хорошо, — кивнул Цинь Хэ без колебаний.

Доставив обещанный букет сахарных роз в дом Чжан, Куй У с Цинь Хэ сразу же направились к мастеру Фэну.

Мастер Фэн был по уши занят - выстругивал мебель для заказчика и даже головы не поднял, когда увидел их:

— Опять вы? Я же уже говорил: формы для сахарных роз я сделать не смогу. То, как Куй-фулан их вырезает, слишком уж тонко, слишком изящно. А сами розы ещё и объёмные, лепесток на лепестке... Сделать под такую резьбу форму слишком сложно.

Цинь Хэ спокойно сказал:

— Сложно - это ведь не значит невозможно.

— Сделаю, да только толку? — буркнул мастер Фэн. — В лучшем случае получится грубая копия, от твоих оригиналов один из десяти, и то условно. Как такие людям продавать?

— Ну вы уж подумайте, помогите нам, — с жаром заговорил Цинь Хэ, не жалея похвалы. — Мой далан всё время говорит: в этом городе Дишуй, только мастер Фэн и есть настоящий мастер. Умелец не только с руками, но и с головой. Он сам сказал: если уж вы не справитесь, никто не справится.

Мастер Фэн кашлянул, изо всех сил пытаясь сохранить серьёзный вид и скрыть выражение удовольствия... но не получилось. Лицо у него явно подёрнулось довольной ухмылкой, и самодовольство сквозило в каждом движении.

— Ну... это правда, — пробурчал мастер Фэн, сдвинув брови. — Ладно, оставь одну сахарную розу, я с сыном посмотрю, что можно сделать. Но говорю сразу: вещь у тебя чересчур тонкая, очень сложная. Если мы за это возьмёмся, то придётся всю остальную работу отложить. И то не факт, что что-то получится.

Он всё ещё не забыл, как в прошлый раз Цинь Хэ буквально выпросил у него работу за гроши, и теперь был настроен хотя бы морально «вернуть должок».

— Не может же быть так, чтобы мы тратили силы и время даром, — с нажимом добавил он.

Цинь Хэ немного подумал и сказал:

— Давайте так: десять дней срок. Если у вас получится, я плачу вам пять лян серебра. Если нет - вы покажете мне неудачные формы, и за труд всё равно получите один лян.

— Двадцать дней, — тут же перебил мастер Фэн. — Сделаю - дашь десять лян. Не выйдет -

показываю, что вышло, и получаю пять лян за потраченные силы.

— Нет, — Цинь Хэ не отступал, — так не пойдёт.

Они спорили с самого раннего утра до позднего вечера, не притронувшись ни к воде, ни к еде. Слово за слово, аргумент за аргумент, и, в конце концов, договорились.

Условия были таковы: срок - пятнадцать дней. Если удастся - десять лян серебра, но формы можно будет продавать только Цинь Хэ, никому больше в течение года. Если не удастся, мастер Фэн покажет все неудачные формы, в доказательство, что работа велась всерьёз, и получит один лян серебра в качестве компенсации.

<http://bllate.org/book/13598/1205837>